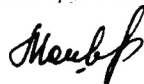

0- 777359

На правах рукописи

Голованова Ирина Александровна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РУССКИХ
И НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Новосибирск - 2009

Работа выполнена в Секторе русского языка в Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН.

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Алёшина Ольга Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Шапошникова Ирина Владимировна
(Новосибирский государственный университет)

кандидат филологических наук, доцент
Федянина Любовь Ивановна
(Кемеровский государственный университет)

Ведущая организация: ГОУ ВПО «**Московский**
государственный лингвистический
университет»

Защита состоится «21» апреля 2009 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета Д 003.040.01. по защитам диссертаций на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Институте филологии СО РАН по адресу:

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

тел.: (383) 330 84 69

факс: (383) 330 15 18

e-mail: romodan@philology.nsc.ru

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке истории СО РАН по адресу: 630090, г. Новосибирск,

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

Автореферат разослан «20» марта 2009 г.

0000547533

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А. А. Мальцева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена сопоставительному исследованию особенностей репрезентации невербального поведения (НП), в частности кинем и паралингвизмов, в русских и немецких художественных текстах.

В последние годы в сферу сопоставительных исследований включаются труды, ориентированные на выявление: 1) функций невербальных компонентов в разных языках, преимущественно славянских и германских (О. В. Мудрая, М. А. Антошинцева и др.); 2) вербально-невербальной экспликации эмоций в разносистемных лингвокультурах (Е. Ю. Мирцхулава, М. Д. Городникова и др.); 3) национально-культурной специфики взаимодействия вербального и невербального компонентов коммуникации в среде носителей языков разной типологической общности (в частности, на примерах русской и еврейской лингвокультур (И. А. Микаберидзе)) и др.

Широко используемые в работе термины *кинема* и *кинесика* введены в научный обиход в 1952 г. американским антропологом Р. Бирдвистелом (R. Birdwhistell). В представляемой работе *кинемами* обозначаются такие невербальные сигналы, которые намеренно или неосознанно создаются *неречевым* аппаратом, сопровождают или замещают общение и имеют определённое социально-культурное значение при передаче и восприятии мысли их исполнителя в данном обществе. *Паралингвизмы* (термин введён А. Хиллом в середине XX в.) рассматриваются как дополнительные средства передачи информации, которые намеренно или неосознанно производятся *речевым* аппаратом и которые так же, как и кинемы, являются выразителями информации о говорящем.

В комментирующей части текстовых диалогических реплик репрезентируется весь спектр элементов НП: собственно жесты, мимические движения и выражения лица, контакт глаз, позы, соблюдение или нарушение дистанции, интонационные изменения, паузы, а также «вегетативные реакции» организма на эмоциональное состояние персонажа (например, «покраснеть», «побледнеть» и т. п.). С помощью их описаний передаются характерологические привычки персонажей, их национальные и индивидуальные особенности, манера говорения, культура общения, психофизическое и эмоциональное состояния, социальный статус и внутренний мир (Ф. Пойятос, Т. А. Васильченко, Е. А. Зуева, Е. Я. Кедрова, И. А. Крым и др.).

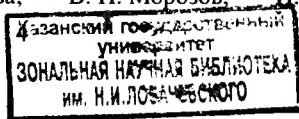
Изучение репрезентантов НП основывается на идее о том, что каждый из элементов человеческой соматики в определенных коммуникативных

условиях приобретает особое значение. Язык, безусловно, является орудием и главным средством человеческого общения, а также универсальным средством выражения процессов мышления. Однако это не означает, что лингвистический код – единственная коммуникативная система, используемая человеком. В процессе функционирования этот код тесно переплетается и взаимодействует с другими, неязыковыми, явлениями, также участвующими в передаче информации (М. Д. Городникова; И. А. Микаберидзе; Е. Ю. Мирцхулава; О. В. Мудрая; и др.). Трансляция вербального сообщения оказывается лишь частью процесса коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения на основе сопоставительного анализа особенностей лексической репрезентации единиц НП в разных лингвокультурах. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, указывая на необходимость овладения «не столько национальным соматическим языком, сколько вербальными способами выражения и отражения этого языка» [Верещагин, Костомаров 2005: 416], объясняют это тем, что, во-первых, «соматические речения всё чаще не отражают, а фактически замещают соматизмы», а во-вторых, «соматические речения играют большую роль в тех стилях и жанрах вербальной речи, для которых существенно создание образа и в которых передаётся, наряду с рационально-прагматической, эмоционально-эстетическая информация» [Там же: 416]. Выявление и анализ особенностей функционирования паралингвистических и кинесических средств в письменном тексте, способов их репрезентации в языке национальной художественной литературы определённого периода имеют решающее значение в определении национальной специфики НП. Подобные исследования позволяют уточнить восприятие оригинального письменного текста представителями других лингвокультур.

Обучение невербальному поведению сегодня – одно из актуальных направлений в методике преподавания иностранных языков, в том числе немецкого и русского. Уже никто не подвергает сомнению тот факт, что в настоящее время недостаточно владеть иностранным языком – важно владеть всем «фондом» знаний о его носителях и об их коммуникативной культуре, включая особенности их НП.

Степень разработанности темы исследования. На данный момент глубоко проработаны многие важные проблемы в изучении НП, среди которых можно выделить следующие: 1) собственно лингвистические, социолингвистические и психолингвистические проблемы (М. Cranach; Р. Ekman; С. Izard; В. Б. Беглова; А. Вежицкая; Б. Волек; Г. В. Колшанский; Э. Г. Куликова; В. П. Морозов; И. С. Панова-

Яблошникова; В. Г. Хлыстова; и др.); 2) лингвостилистические проблемы отображения НП человека в письменных текстах, в частности, в художественной литературе (K. Danow; F. Poyatos; J. Sena; Е. А. Анисимова; Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров; Е. А. Зуева; Е. Я. Кедрова; Е. Л. Корлыханова; Н. В. Накашидзе; О. Г. Шашкина; и др.); 3) проблемы лексикографического описания невербальных сигналов тела (С. А. Григорьева и др.; Н. Н. Романова; B. Monahan; R. Posner и др.; А. Акишина; B.J. Bauml и др.; L. Iordanskaja и др.); 3) вопрос о взаимодействии систем невербальных знаков с системами естественно-языковых знаков (M. Argyle; P. Ekman, W. Friesen; E. Fricke; A. Mehrabian; И. В. Максимова; И. А. Микаберидзе; Е. Ю. Мирцхулава; О. В. Мудрая; и др.); 4) проблема преподавания особенностей НП на уроках иностранного и неродного языка, а также русского как иностранного (И. С. Баженова; Л. А. Введенская; Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров; М. Д. Городникова; Т. П. Глухова; М. Н. Козырева; В. А. Сорокин; З. З. Чанышева). В 2002 г. на базе научного центра семиотики Технического университета (г. Берлин) было организовано Международное общество по изучению жестов (ISG), в задачи которого входит интеграция усилий учёных всего мира, занимающихся вопросами НП. В рамках работы научного центра проводятся исследования, ориентированные на детальное изучение жестов, исполняемых с объектами (*artefaktbezogene Gesten*) и сопровождающих речь (*redebegleitende Gesten*), определение корпуса междометий, производимых в момент исполнения некоторых жестов, а также их культурно-специфичных черт.

Предмет и цели данного исследования определяются его аспектами: обнаружение общего (универсального) и особенного (национально-специфического) в способах репрезентации НП персонажей в разных лингвокультурах; выявление степени зависимости особенностей вербализации НП в текстах от специфики русской и немецкой культур поведения. В соответствии с поставленной целью предполагается решение ряда частных задач:

1. Определить современное состояние исследований НП, а именно: сформулировать методологическую и понятийно-терминологическую базу исследования на основе анализа работ в области сопоставительного языкознания, психолингвистики, лингвокультурологии, теории невербальной семиотики и межкультурной коммуникации.

2. Обосновать подход к тексту как к форме существования и отражения этнокультурных поведенческих традиций.

3. Провести сопоставительный анализ лексических репрезентантов

кинем и паралингвизмов, зафиксированных в русских и немецких литературных произведениях, а также охарактеризовать их специфику.

Объектом диссертационного исследования стали описанные на страницах художественных произведений кинемы и паралингвизмы, рассматриваемые как источник лингвокультурологической информации. В научной литературе известны различные термины для обозначения таких репрезентантов: *номинации* [Железанова 1982; Крейдлин 2000; Зуева 2005; Мишин 2005], *кинематическое речение* [Хлыстова 2007], *кинесическое речение* [Кильмухаметова 2005], *языковая манифестация* [Ахманова 1966; Папулинова 2003], *соматическое речение* [Верещагин, Костомаров 2005]. За **единицы исследования** были приняты однолексемные (*отмахнуться, покоситься; jammern, imarnen, lächeln*) и неодноречесемные (*скрестить руки на груди, поджать губы; sich an der Nase kratzen, mit angezogenen Knien sitzen, die Luft anhalten*) обозначения НП персонажей. **Общий материал исследования** составили более 14 000 кинесических и паралингвистических наименований (5692 – в русских и 8524 – в немецких текстах).

Источниками **материала исследования** послужили художественные произведения современных русских и немецких авторов, написанные в жанре детектива и фэнтези. Жанровое предпочтение определилось эмпирически: в ходе предварительного знакомства с разножанровыми текстовыми материалами было отмечено, что этноспецифика коммуникативной культуры наиболее ярко проявляется при сопоставлении текстов тех жанров, которые предполагают полное авторское изобретение художественной действительности, в частности жанра фэнтези, а детальное описание даже едва заметных движений тела свойственно скорее криминальным романам, в которых они нередко играют решающую роль в раскрытии преступления. Полученные в ходе исследования выводы уточнялись по материалам популярных публицистических текстов, кино- и видеоматериалами, а также по личным наблюдениям автора за НП русских и немцев в повседневном общении. Широко привлекались данные, содержащиеся в языковых и жестовых словарях, справочниках и энциклопедиях русского языка и культуры. Все это позволяет считать, что сделанные в ходе сопоставительного исследования выводы вполне могут рассматриваться как репрезентативные не только в отношении НП, описанного в художественных текстах, но и экстраполироваться на естественное НП представителей русской и немецкой коммуникативных культур. Это, однако, не исключает, а даже предполагает, что те или иные выявленные нами особенности национального НП в разных возрастных,

территориальных, гендерных, профессиональных и иных группах будут различаться по степени яркости, выраженности того или иного качества или признака.

Цель, задачи, материал настоящей работы определили выбор **методов исследования**. Были применены: метод сплошной выборки (при составлении исследовательских картотек); количественные методы; сравнительно-сопоставительный и описательно-аналитический методы. Интерпретация практического материала исследования потребовала также использование элементов контекстного, дистрибутивного и функционального анализов лексических репрезентантов невербальных единиц.

Положения, выносимые на защиту:

1. Особенности НП представителей русской и немецкой коммуникативных культур находят свое отражение в конкретных способах лексической репрезентации НП персонажей художественных текстов.

2. В немецких произведениях для вербализации сильных эмоциональных состояний персонажей используются преимущественно описания менее экспрессивных по характеру исполнения элементов НП – разнообразных мимических движений и выражений лица, а также интонационных изменений речи. Напротив, в русских текстах в таких случаях предпочтение отдается описаниям кинем рук и ног, т. е. элементам с максимально экспрессивной формой исполнения.

3. При характеристике кинем рук немецкие авторы чаще используют описания движений рук, касающихся неживых объектов. Для русского художественного коммуникативного пространства, напротив, характерно активное вторжение персонажей в личную зону друг друга, что должно быть связано с ярко выраженной коммуникативной направленностью русских на установление личностного контакта с собеседниками, а также тенденцию «распространять» на них свое эмоциональное состояние.

4. В русских текстах параязыковые средства изображают и описывают действия персонажей, а в немецких, как правило, выражают экспрессию, эмоции, оценку, а также участвуют в создании художественных образов, в том числе характеризуют возраст персонажей и даже их принадлежность к определенному художественному «этносу».

5. Организация русского и немецкого проксемного художественного пространства имеет свою специфику, определяемую особенностями русской и немецкой коммуникативных культур.

6. Общим для русского и немецкого художественного пространства является использование описаний *нулевых кинем* и *нулевых паралингвизмов*, которые, благодаря присутствию в произведениях рассказчика, служат выразителями определенной информации.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в отечественную сопоставительную лингвистику были включены данные зарубежных исследований, ранее не учитывавшиеся российскими языковедами, а также впервые был проведен сопоставительный анализ результатов речевого воплощения кинем и паралингвизмов на русском и немецком текстовом материале с лингвокультурологической точки зрения. В диссертации исследованы лексические единицы, с помощью которых НП как яркий репрезентант коммуникативных традиций «транслируется» через художественные произведения, выражая принадлежность их создателей к русской или немецкой коммуникативным культурам. НП последовательно отображается в художественных текстах, и для адекватной интерпретации художественных «миров», порой полностью вымышленных писателями, необходимо знать регулятивы национальных форм коммуникации, посвоему использующих даже *нулевые кинемы* и *нулевые паралингвизмы*. Такие единицы до сих пор не становились предметом отдельного исследования, хотя они не менее значимы, чем собственно невербальные сигналы тела. Считаем, что они обязательно должны включаться в теорию и практику изучения НП.

Теоретическая значимость работы. Материал и результаты диссертационной работы вносят определенный вклад в развитие теории сравнительно-сопоставительного исследования и концептуального анализа. Теоретическую значимость может иметь предложенная в работе исследовательская схема сопоставительного изучения текстовых репрезентантов НП. В работе выявлены приоритеты в выборе описаний конкретных кинем и паралингвизмов, как в русских, так и в немецких текстах, что позволило расширить существовавшие ранее представления об этнокультурной предопределенности НП.

Результаты сопоставительного исследования могут иметь и узко **практическую значимость** – способствовать русской и немецкой аккультурации в иноэтнической среде, т.е. «усвоению человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры» [Верещагин, Костомаров 1983: 11]. Ряд наблюдений и выводов, представленных в диссертации, может быть использован при чтении теоретических курсов по невербальному поведению, лингвокультурологии, страноведению, при

разработке специальных курсов по лингвистическому анализу и интерпретации художественного текста, при составлении словарей невербальных и вербальных языков, а также в идентификации этнокоммуникативной принадлежности авторов текстов и, напротив, в стилизации национального НП. Сделанные наблюдения и выводы могут быть полезны для кино- и театральных режиссеров при экранном и сценическом воплощении письменных текстов, для редакторов, работающих с кино- и рекламными сценариями, при озвучивании русских и немецких фильмов на иностранные языки.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались:

1) на заседаниях спецсеминара «Лингвостилистика и культура речи» (Новосибирский государственный университет, 2003);

2) на Международных научных студенческих конференциях «Студент и научно-технический прогресс»: Секция языкознания (Новосибирский государственный университет, 2003, 2005);

3) на семинарах факультета германистики Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, Германия (2003-2004);

4) на III Межвузовской научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация» (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2006);

5) на региональной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (Институт филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, 2008).

Автор диссертации принимала участие в коллективном проекте «Стереотипы немцев о русских» (Новосибирский государственный университет, 2002, руководитель – Я. Хэльфер), цель которого – выявление на основе проведенного анкетирования немецких и русских информантов наиболее распространенных стереотипных представлений немцев о русских, и наоборот.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (317 названий исследований, из которых 184 – на русском языке и 133 – на иностранных) и двух приложений, содержащих сопоставительные данные количественной представленности описаний кинем и паралингвизмов в русских и немецких художественных текстах. Основной текст изложен на 206 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Теоретические аспекты сопоставительных исследований невербального поведения» обсуждаются проблемы, связанные с обозначенными выше аспектами исследования, приводится критический анализ соответствующей литературы, определяется понятийно-терминологический аппарат исследования.

В качестве рабочего терминосочетания нами используется *невербальное поведение* (узкое понимание), а не *невербальная коммуникация*, различаемые в научной литературе на основании наличия в слове «коммуникация» значения «интенциональность». Такой выбор обусловлен тем, что объектами нашего исследования стали описания всех репрезентируемых на страницах романов невербальных сигналов тела и голоса, а не только тех, которые характеризуются наличием коммуникативной интенции. Данное положение определяется спецификой художественного текста, в котором «физическое движение в каждом случае является обоснованным; оно всегда так или иначе связано с “психическим” движением коммуниканта» [Накашидзе 1981: 17] (п. 1.1. «Широкий» и «узкий» подходы к определению понятия «невербальное поведение»).

Поскольку вопрос об объёме понятий *кинема* и *паралингвизм* (а вместе с тем и их соотношение) до сих пор не решён однозначно, то были представлены существующие в исследовательской практике способы их типологизации с учётом широкого и узкого понимания проблемы (п. 1.2. **Определение границ понятий «паралингвистика» и «кинесика»**). Анализ научной литературы показал, что способы типологизации кинем и паралингвизмов, разработанные разными авторами, в том числе и зарубежными, во многом пересекаются, а нередко для обозначения одного и того же по сути явления используются разные термины – дублиеты. Применяемый в данной работе узкий подход к пониманию *кинема* и *паралингвизмов* обоснован желанием избежать терминологической путаницы и ненужного нагромождения терминов, что нередко можно встретить в работах по НП. Так, при широком понимании паралингвистики науку, изучающую собственно движения тела, называют *паралингвистической кинесикой* [Беглова 1996; Потапова 1997; и др.], а разнообразные жесты – *кинесическими паралингвизмами* [Глушченко 2003: <http://www.bgpu.ru/site/content/laboratories/ling/lakuna2003/final%20version.doc>]. Подобные терминологические предпочтения, на наш взгляд, трудно объяснить, особенно с учетом тех исходных значений терминов *кинема* и *паралингвизм*, какие им приписывали их авторы на

самом начальном этапе изучения НП человека в 40-50-е гг. XX в. (п. 1.3. **Проблема типологизации единиц невербального поведения**).

Данное диссертационное исследование проводилось на основе текстов художественной литературы, поэтому в первой главе с опорой на предшествующий опыт исследований обосновывается этнокультурная обусловленность художественного текста и возможность его использования в качестве материала для изучения НП. Ввиду того, что художественное произведение выражает писательскую картину мира, в нем наблюдается большая продуманность в выборе тех или иных лексических и стилистических средств, вербализующих кинесические и паралингвистические явления.

Особая ценность художественного произведения состоит в том, что импликации кинесического и паралингвистического характера, заложенные в письменной фиксации НП, не остаются без внимания адресата. Если в условиях живого общения значение некоторых невербальных знаков не актуализируется, поскольку ряд поведенческих деталей может остаться незамеченным адресатом, то в художественных текстах дело обстоит иначе: благодаря наличию в произведении рассказчика, читатель получает дополнительную информацию, которая позволяет более точно определить причину того или иного НП персонажа [Кильмухаметова 2004] (п. 2. **Этнокультурная обусловленность художественного текста и отражение в нем единиц невербального поведения**).

Конечно, необходимо учитывать и личностный фактор, поскольку любое художественное произведение – это результат творческого акта отдельного человека (или группы людей), а потому нельзя исключать из внимания тот факт, что вербальное описание НП может отражать субъективное авторское видение как формы, так и значения той или иной единицы НП, которое, возможно, и не присуще ей в реальном проявлении. Однако, как показал анализ материала исследования, такие репрезентанты являются скорее исключением, чем правилом. В реферируемой диссертационной работе авторские описания кинем анализируются отдельно.

В п. 3. Национально-культурная специфика невербального поведения кратко представлены основные черты русского и немецкого национальных характеров. В реферируемом исследовании под *национальным характером* понимается «совокупность специфических, психокультурологических черт нации: стиль мышления, эстетические вкусы, этические нормы, схожие побуждения, формы и образцы эмоционального поведения, проявляющиеся у большинства взрослых

индивидов данной нации и в определённой мере унифицирующих данную нацию» [Кашаев 2000: 32]. Это довольно долговременные комплексы привычек, обычаев, традиций, вкусов, предрассудков, особенностей общения, связанные с особенностями языка. «В то же время национальный характер не есть нечто постоянное, неизменное, раз и навсегда данное, не зависящее от времени и исторического развития. Он изменяется с изменением тех конкретных исторических условий, в которых живёт нация» [Мальцева 1998: 326].

В разное время исследователи отмечают, что немцам присущи, в частности, сосредоточенность, глубина души, настойчивость и вместе с тем желание отгородиться от других, в то время как русским «свойственна “ты-мы” культура и присущи такие черты, как общительность, коллективность общения, тематическое разнообразие, доминантность в разговоре, бескомпромиссность в споре, т. е. стремление к общению» [Ким 2007: 143]. По-разному организуется русскими и немцами коммуникативное пространство, воспринимаются такие обязательные этикетные нормы поведения, как гендерные знаки внимания и др.

Помимо «универсальных» характеристик речевого акта (канал связи, интенция говорящего и др.), на выбор используемых в процессе коммуникации невербальных знаков влияют особые характеристики человека как представителя определенного этнокультурного сообщества.

Во второй главе **«Репрезентация кинесического поведения персонажей в русских и немецких художественных текстах»** представлены результаты сопоставительного анализа обозначений кинесических единиц в текстах. Последовательно рассматриваются разнообразные описания кинем рук, головы и ног, выражений и мимики лица, в том числе наименования «улыбки» и «взгляда», корпусных кинем, а также отображение проксемики организации коммуникативного пространства в художественных романах. Отдельно был сделан обзор репрезентантов некоторых этикетных жестов.

В результате сопоставительного анализа кинесического материала были выявлены различия в репрезентации НП русскими и немецкими авторами. Наиболее ярко они наблюдаются в описаниях такесических кинем: такие примеры регулярно преобладают в текстах русских авторов (особенно это заметно на примерах детективов, где они составляют 34,97 % русской картотеки и 25,94 % немецкой) (**п. 1.1. Особенности текстовой вербализации кинем рук**).

Было установлено, что различны приоритеты в выборе описаний кинем рук у русских и немецких авторов. Выявить такую закономерность

позволил сопоставительный анализ репрезентантов кинем рук по четырем денотативным типам, выделенным по признаку их направленности: 1) описания ненаправленных кинем рук (например: *восторженно хлопали в ладоши; с трудом заставил себя разжать кулаки и прислушаться к словам полного пожилого человека; помахала ему рукой; applaudierten mit Händen; er senkte die Arme und verschränkte sie ineinander; mit einem herrischen Wink befahl er die Tür zu schließen*); 2) описания кинем рук, направленных персонажами на себя (например: *Матфеев потёр веки; Вальзер провёл рукой по лицу; Алтын почесала переносицу; поправила правой рукой очки на переносице; fuhr er sich mit der Hand ums Kinn; fuhr sich mit der flachen Hand übers Gesicht; er stocherte mit Vehemenz in seinem Bart herum; sie fuhr sich mit der Rechten durchs Haar*); 3) описания кинем рук, направленных одним персонажем к другому (например: *Корнелиус потрепал мальчишку по вихрам; крепко пожал Николасу руку; журналистка яростно ударила его острым кулачком в бок; Николас положил неприятному человеку руку на плечо, сильно стиснул пальцы; сутенёр толкнул маистра в плечо; er klopfte mir die Schulter; eine schwere Hand drückte mich auf eine Renaissancebank; er zog mich am Ärmel von der Tür weg*); 4) описания кинем рук, направленных персонажами к неживым объектам (например: *яростно ударил ладонью по рулю; несколько раз стукнул кулаком по столу; забарабанил пальцами по столу; маистр вдохновенно взмахнул пустой рюмкой; griff nach der Handtasche; jedes Wort unterstrich er mit einem Faustschlag auf den Tisch*).

Среди описаний кинем рук особую группу составили примеры с наименованиями жестов, ориентированных персонажем на себя, в частности, касание руками верхней одежды и аксессуаров, в том числе перстней, цепочек, чётков и т.п. Такие репрезентанты служат дополнительным средством выражения внутреннего состояния персонажа (растерянность, желание выиграть время, решимость и др.), а их регулярное повторение в отношении одного и того же персонажа непосредственно участвует в создании его художественного образа.

Представим в табл. 1 количественные данные по частоте описаний четырёх выделенных типов кинем рук.

Таблица 1

**Частота описаний кинем четырёх денотативных типов
в русских и немецких текстах**

Типы кинем рук	Частота описаний кинем рук (% от общего количества их обозначений в текстах)			
	Жанр фантастики		Жанр детектива	
	Русский текст	Немецкий текст	Русский текст	Немецкий текст
«ненаправленные кинемы»	35,97 %	41,79 %	45,12 %	35,77 %
«кинемы, направленные персонажем на себя»	16,97 %	13,11 %	26,22 %	18,25 %
«кинемы, направленные одним персонажем на другого»	37,62 %	28,04 %	16,46%	3,65 %
«кинемы, направленные персонажем на неодушевлённый объект»	9,62 %	17,06 %	12,20 %	42,34 %

В результате проведённого анализа были выявлены следующие закономерности: в русских текстах примеры с такесическими описаниями кинем, направленных персонажами на других участников художественной коммуникации, регулярно преобладают в текстах русских авторов. В то же время, в немецких текстах всех жанров в большем количестве представлены описания рук, направленных на неживые объекты. Учитывая эти данные, а также тот факт, что в немецких романах «игра» с неодушевлёнными предметами помогает персонажам сдерживать свои эмоции или же выплеснуть их, не задевая окружающих, мы сделали следующий вывод: немецкая коммуникативная культура, запрещающая вторгаться в личную зону другого человека касанием, позволяет «безнаказанно» манипулировать с неживыми объектами для выражения собственных эмоций. Думается, что таким образом немцы «компенсируют» недопустимость коммуникативного прикосновения к другому человеку. Русские же, напротив, предпочитают выражать своё отношение непосредственно, т. е. использовать тактильную коммуникацию по отношению к собеседнику. Ср.: «Русская жестикуляция заметно выходит за пределы персонального пространства жестикулирующего, зачастую вторгаясь в персональное пространство собеседника» [Прохоров, Стернин 2002: 158]. Этот вывод подтверждается и нашими собственными наблюдениями.

Последующий анализ описаний проксемики организации художественного пространства подтвердил это предположение и позволил выявить его особенности на материале немецких текстов

(п. 3.3. Этнокультурные особенности проксеимного поведения персонажей). Это, во-первых, маркирование личной коммуникативной зоны как более широкой в сопоставлении с русской. В частности, описания сокращения коммуникативной дистанции персонажами в немецких текстах в большинстве случаев выражают угрозу. В немецком детективе указание на такое сокращение имеет исключительно негативное значение – попытку нанести телесные повреждения, желание убить и т. п. В немецких романах-фэнтези, несмотря на то, что сокращение дистанции репрезентирует и некоторые положительные эмоции и намерения, эта тенденция сохраняется: в 45 случаях из 97 такого рода несоблюдения дистанции вызваны негативными намерениями персонажа-инициатора приближения. В романах-фэнтези русских авторов из 67 примеров с описаниями сокращения дистанции только 7 выражают негативное намерение его инициаторов, а в остальных случаях передают интерес, желание быть рядом, доверие, доброе отношение к собеседнику. Всё это указывает на то, что отношение к личной коммуникативной зоне у русских принципиально иное, и это отношение эксплицируется в художественных произведениях.

Во-вторых, отличительной чертой немецких текстов является доминирование проксеимных описаний «за столом», индивидуальным рабочим или сервировочным. В русских описаниях «застолья», где «столом» может быть любая поверхность, «стол» чаще выступает как «общая», укрепляющая взаимное доверие и объединяющая коммуникантов территория. Значительное количество немецких контекстов, описывающих двух участников коммуникации, связано именно со столом как с предметом мебели и положением владельца относительно него. В ряде случаев немецкие авторы даже уточняют размер и форму стола, не существенные для сюжета, что свидетельствует о важности стола как предмета, организующего немецкое индивидуальное коммуникативное пространство: *Zwischen uns war der löwentatztige Schreibtisch* [Berger 1972: 166].

Контексты с обозначениями кинем ног составили незначительный процент, как русской, так и немецкой картотек (менее 1 %). Однако, как показал анализ практического материала, в русских текстах вербализованные движения ног более разнообразны – так, описания кинемы «топнуть ногой» чаще представлены в русских романах, а кинема «сучить ногами», например, не встретилась в немецких **(п. 1.2. Кинемы ног и их отражение в русских и немецких художественных текстах).**

Информация, передаваемая с помощью описаний мимических движений и выражений лица, может касаться как внешних, так и

внутренних характеристик персонажа, а также сообщать о его отношении к предмету разговора или другим участникам художественной коммуникации. Анализ примеров с описаниями разнообразных мимических движений и выражений лица показал, что, во-первых, в немецких текстах такие движения более разнообразны по форме исполнения (в частности, чаще варьируются психосоматические процессы, преобладают описания малоэкспрессивных по характеру исполнения кинем – «сглотнуть», «стиснуть зубы», «сжать губы» и др.), а во-вторых, немецкие авторы чаще используют описания мимических движений и выражений для передачи интенсивных эмоций персонажей. Отдельную группу наименований кинем лица составили опосредованные – в этих случаях движение лицевых мускул не конкретизировано, но по авторским или персонажным ремаркам (например, *не делай такое лицо!*) читатель может догадаться о действительном выражении лица персонажа. Н.В. Накашидзе называет такие кинемы «неопределятельными», «т. к. несмотря на то, что вербализованная кинема конкретно определена с точки зрения выражаемой эмоции, внешние её признаки не описаны» [Накашидзе 1981: 7] (**п. 2. Особенности вербализации мимических движений и выражений лиц персонажей в русских и немецких художественных текстах**).

Несмотря на яркие различия в репрезентации некоторых единиц НП, установлены и сходства. Так, анализ обозначений кинем головы не позволил выявить каких-либо культурных различий в их исполнении, что вполне согласуется с результатами известных нам научных исследований (движения головы ограничены). В то же время было установлено, что семантика однозначных, на первый взгляд, кинем головы (например, «кивнуть головой» и «качнуть головой») может варьироваться в зависимости от контекста их исполнения, что очень отчётливо прослеживается на примере письменных текстов (**п. 1.3. Кинемы головы и их лексическая репрезентация в русских и немецких художественных текстах**).

Яркие культурные различия не были выявлены в репрезентации «взглядов» детективных и фэнтезийных персонажей русскими и немецкими авторами. Вероятно, это связано с тем, что окулесическая культурная специфика проявляется особенно ярко в длительности, а также в направлении – т.е. по таким параметрам, которые трудно поддаются лексическому описанию. Однако данные известных нам исследований, а также наш собственный опыт длительного пребывания в немецкоязычной среде свидетельствуют о том, что каждой культуре свойственны свои типовые модели окулесического поведения: в

частности, для немцев характерен более пристальный, «цепкий» взгляд, нередко интерпретируемый русскими как «бесцеремонный» (п. 2.3. Репрезентация взгляда и выражений глаз).

Как в русских, так и в немецких текстах, обращённый к собеседнику корпус указывает на интерес к беседе; если же персонаж отворачивается от собеседника, то это свидетельствует о его нежелании идти на контакт. Тождественными оказались значения описаний наклона корпуса одного персонажа в сторону другого – они свидетельствуют о внимании и заинтересованности его исполнителя в происходящем, и наоборот, движение «отклониться назад» указывает на неприятие его исполнителем обсуждаемой темы, его желание выиграть время и т. п. (п. 3.1. Описания движений и положений тела персонажей как художественный прием).

Общим в описаниях кинем детективных и фэнтезийных персонажей оказалось использование дополнительных лексических средств (ср. *die Arme heben* и *die Arme in die Höhe reißen*, *сжать кулак* и *сжать кулачок*, *прошёл к столу* и *бросился к столу*), причем значимо описание не только самого движения, совершаемого персонажем, но и обозначение характера данного движения (ср.: *bückte sich* и *bückte sich gelassen*, *сел* и *торопливо сел* и др.). В русских и немецких описаниях кинем головы, взгляда, улыбки и др. кинем были использованы тропеические и фигуральные средства (метонимические, метафорические и т. д.), позволяющие читателю по-своему реконструировать поведенческие портреты персонажей и помогающие авторам текстов актуализовать их наиболее важные кинесические черты.

В третьей главе «Репрезентация паралингвизмов персонажей в русских и немецких художественных текстах» рассматриваются лексические описания паралингвистических единиц. Их особенность заключается в том, что они, хотя и не входят в систему естественного языка, в значительной степени организуют и определяют коммуникативный акт. В литературных текстах описания паралингвизмов присутствуют в авторских ремарках, в диалогических репликах и, наряду с обозначениями кинесических элементов, формируют важную смысловую часть произведений. Примеры с описаниями паралингвизмов составили 28,50 % и 35,70 % русской и немецкой картотек романов-фэнтези, и 20,91 % и 34,98 % картотек детективов.

Описанные в произведениях паралингвистические явления были нами условно разделены на три группы: 1) паралингвизмы с активным голосовым компонентом (различные голосовые модуляции, крик, шёпот, звукоподражания и т. д.); 2) звуковые комплексы, возникающие и принимающие активное участие в разного типа физиологических

реакциях, которые в акте коммуникации могут приобретать особые актуальные значения; голосовой компонент в них представлен, но имеет добавочное значение (насморк, плевки, икота, смех, плач, вздох, кашель и т.д.); 3) паузы хезитации, молчание.

Было установлено, что описания паралингвизмов в немецких текстах не только участвуют в передаче эмоциональных состояний персонажей, но и служат для характеристики их возраста (*junge Stimme*), пола (*Frauenstimme*) и определяют принадлежность к определённом художественному «этносу» (например, в контексте романов-фэнтези особым голосом обладают персонажи-эльфы и -орки).

В большем количестве в немецких текстах представлены описания тембра голоса (особенно ярко данное различие заметно на примере детективных текстов – 138 примеров по отношению к 11). На наш взгляд, такое преобладание связано с тем, что данная интонационная характеристика передаёт эмоциональное состояние говорящего непосредственно, в то время как другие признаки требуют дополнительного их осмысления читателем (например, громкий голос может быть признаком ужаса, радости, торжества или быть вызван желанием говорящего привлечь к себе внимание и др.). Вербальное отражение акцента и репрезентация логического ударения – явлений, которые лучше улавливаются на слух и сложнее всего поддаются лексическому выражению – отмечены только в немецких романах (**п. 1. Сопоставительное описание паралингвизмов с активным голосовым компонентом**).

Выявление основных способов репрезентации паралингвизмов позволило установить, какие факты устного речевого общения находят своё отражение на письме. Система словесных обозначений паралингвизмов в русских и немецких текстах представлена отдельными сопоставимыми лексемами (*шептать, кричать, смеяться, вздыхать, молчать; wispern, schreien, lachen, ausatmen, schweigen*), свободными и устойчивыми словосочетаниями (*говорить ... голосом (тоном); sagen in einem Ton*) или целыми предложениями (*они молчали; Niemand erhob die Stimme*). Однако в ходе сопоставительного анализа было установлено, что авторы немецких романов используют более разнообразные лексико-грамматические способы описания одного и того же паралингвистического явления. В частности, варьируются способы вербализации дополнительных голосовых призывов с семантикой дыхания: если в русских романах чаще встречаются односложные глагольные лексемы (иногда в сопровождении адвербиальных конкретизаторов *глубоко, устало, горестно, сокрушённо* и др.), то в

немецких текстах указывается на место произведения вдоха или выдоха (*durch die Zähne*), описывается скорость дыхания и продолжительность вдоха / выдоха (*sein Atem ging kurz und stoßweise; der Atem des Magiers ging schnell*) (п. 2. Лексическая репрезентация дополнительных голосовых призвуков; п. 3. Описания паузирования и молчания как значимых элементов коммуникации).

Другими словами, немецкие писатели, полностью изобретающие художественные миры в своих романах, более внимательны к репрезентации паралингвистических единиц. Если параязыковые средства в русских текстах изображают и описывают, то в немецких, как правило, выражают экспрессию, эмоции, оценку. Этим объясняется большее разнообразие типов лексической репрезентации изменений голосового качества с указанием конкретизирующих его значений. Полагаем, что широкая представленность описаний паралингвизмов в немецких художественных текстах объясняется общим стремлением немецкой коммуникативной культуры к менее экспрессивным способам выражения эмоций.

В заключении подводятся общие итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения темы.

Общий сопоставительный анализ лексических репрезентантов кинем и паралингвизмов позволил определить, что особенности НП индивида (в частности, представителя русской или немецкой этнокультуры), которое определяется не только и не столько его психологическими характеристиками и условиями общения, сколько его принадлежностью к определённом лингвокультурному обществу, обладающему своим культурным пространством, культурным «интерьером» коммуникативной ситуации, находят адекватное отражение в художественных текстах. В репрезентации русскими и немецкими авторами НП персонажей были выявлены определённые тенденции.

1. Русским авторам для выражения эмоций персонажей свойственно использование наименований более экспрессивных по характеру исполнения единиц НП, в частности кинем рук и ног. Для немецкой текстовой письменной культуры, напротив, более типичными являются наименования менее экспрессивных невербальных сигналов – мимики и выражений лица, а также интонационных изменений голоса.

2. Указания на те или иные паралингвистические единицы в немецком тексте характеризуют не только эмоциональные состояния персонажа, но и его социальные признаки. При этом в русских текстах они выполняют, скорее, изобразительную и описательную функции.

3. Различны приоритеты в выборе описаний кинем рук у русских и

немецких авторов: в русских текстах преобладают наименования кинем рук, направленных к другому персонажу, в то время как в немецких текстах предпочтение отдаётся описаниям манипуляций с неживыми объектами. Такое различие связано с разным отношением русских и немцев к личной коммуникативной зоне, которая, как показывают результаты исследования и эмпирические наблюдения, у немцев намного шире, чем у русских.

4. Сопоставительный анализ описаний проксемики поведения персонажей русских и немецких текстов показал, что авторы последних используют более детальные описания коммуникативного пространства (особую роль в его организации играют, например, предметы мебели, расположение собеседников в замкнутом пространстве). Также было выявлено, что сокращение коммуникативного пространства между собеседниками в немецких текстах оценивается преимущественно негативно, как попытка вторгнуться в личную зону коммуниканта.

5. Значимыми в контекстах художественных произведений являются описания *нулевых кинем* и *нулевых паралингвизмов*, которые, благодаря наличию рассказчика, не остаются без внимания адресата (читателя) и в определённом контексте оказываются не менее значимыми, чем описания собственно кинем и паралингвизмов.

Комплексный сопоставительный анализ репрезентантов кинем и паралингвизмов в текстах позволил предположить, что сдержанность немцев в кинемах, в частности в жестикуляции, компенсируется целой гаммой тембровых оттенков звучащей речи, а также использованием дополнительных голосовых призывов, передающих разнообразные эмоции, настроение и даже черты характера. Немецкие персонажи не так активно жестикулируют, как русские, и их эмоции находят своё выражение в голосе, что должно подтверждать стереотип о немцах как о сдержанной и замкнутой в себе нации. Использование русскими эксплицитных по характеру исполнения невербальных сигналов должно быть обусловлено индивидуальным типом восприятия действительности, сила и искренность которого неизбежно «выплескивается» в общении с другими людьми.

Сопоставительный подход к изучению кинесического и паралингвистического поведения позволил взглянуть на проблему особенностей отображения НП в художественных произведениях с точки зрения его связи с национальным характером авторов произведений. Сделанные на основе детективных и фэнтезийных текстов выводы соответствуют результатам известных нам исследований по лингвокультурологии, а также наблюдениям из личного опыта общения с немцами.

Перспективой дальнейших работ может стать исследование, посвящённое выявлению влияния гендерной принадлежности автора художественных произведений на его выбор тех или иных невербальных сигналов, используемых для репрезентации НП персонажей, а также сравнение репрезентируемых кинем и паралингвизмов в фольклорных текстах, в произведениях различных литературных направлений, что позволило бы проследить характер изменения репрезентации НП в русской и немецкой лингвокультурах. Самостоятельного изучения заслуживают «нулевые» невербальные сигналы тела и голоса и передаваемые ими значения. Ввиду выявленных нами различий в репрезентации НП авторами разных культур, было бы интересно провести аналогичный сопоставительный анализ на примере переводных текстов и проследить средства переводческой компенсации в описаниях лакунарных единиц НП.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторских и кандидатских диссертаций:

1. Голованова И. А. Интерпретация поведения литературных персонажей в рамках теории невербальной семиотики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 5. Вып. 2: Филология. – Новосибирск, 2006. – С. 86–95. – 0,8 п.л.

Статьи в научных изданиях:

1. Голованова И. А. Описание национального невербального коммуникативного поведения (по материалам русского и немецкого детективных текстов) // КЛИО. Сб. студенческих науч. работ (Труды гуманитарного факультета, Серия II: Сборник студенческих научных работ) / Отв. ред. В.И. Молодин, Л.Г. Панин. Новосибирск, 2005. – С. 180–184. – 0,2 п.л.

2. Голованова И. А. «Изолированные» подходы к изучению невербального поведения в отечественной и зарубежной исследовательской традиции // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2007. – С. 88–91. – 0,4 п.л.

3. Голованова И. А. Этнокультурные особенности проксемики поведения персонажей в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2008. № 1 (1). Ч.1. – С. 73–76. – 0,5 п.л.

Публикации материалов докладов на научных конференциях:

1. Голованова И. А. Описание паралингвизмов в художественном дискурсе (на материале русских и немецких детективных текстов) // Материалы XLI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» – Языкознание – Новосибирск, 2001. – С. 43–45. – 0,2 п.л.
2. Голованова И. А. Отражение жестикуляции и личных коммуникативных зон в художественном тексте (на материале русских и немецких детективов) // Материалы XLIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» – Языкознание – Новосибирск, 2005. – С. 60–63. – 0,1 п.л.
3. Голованова И. А. Функции невербальных знаков в художественном тексте // Материалы XLIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» – Языкознание – Новосибирск, 2006. – С. 80–81. – 0,1 п.л.
4. Голованова И. А. Невербальные средства коммуникации как компонент межкультурного общения (на материале русских и немецких детективов) // Язык и межкультурная коммуникация. Материалы III Межвузовской научно-практической конференции, 26–27 апреля 2006 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. – С. 45–50. – 0,3 п.л.
5. Голованова И. А. Лингвистический и лингвокультурологический подходы к изучению невербального поведения в отечественной и зарубежной исследовательской традиции // Материалы IV Межвузовской научно-практической конференции, 25–26 апреля 2007 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. – С. 34–36. – 0,2 п.л.

ГОЛОВАНОВА Ирина Александровна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РУССКИХ И
НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Автореф. дисс. на соискание учёной степени кандидата филологических наук.

Подписано в печать 12.03.2009. Заказ № 15. Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 1. Тираж 100 экз.

Типография Института катализа им. Г.К. Борескова СО РАН

10-